

И жуткая ночь (2)
Слезает, как скотч, (2)
С небес. (1)
Но ты уже спишь и не видишь Луны, (4)
Тебе уже снятся свободные сны, (4)
В которых нет той, (2)
Что разбила святой (2, увеличенная анакруста)
Союз, (1)
Той, ради которой ты был взаперти, (4)
Которую тщетно пытался найти, (4)
А после – спастись, (2)
Ей посвятив (2, уменьшенная анакруста)
Свой блюз. (1)

Эта особенность, как и обилие полиметрических композиций, свидетельствует о том, что тексты песен находятся в тонком взаимодействии с музыкой, а также свидетельствует о высоком мастерстве Константина Арбенина. Смена ритма несколько раз за одну песню – один из секретов «плотности информации – арбенинского концентрата», о котором писал в послесловии к «Транзитной пуле» Кирилл Комаров.

Мы видим, что в песнях «Зимовья зверей» не сохраняется тенденция преобладания тонического стиха, как это было у авторов-ленинградцев восьмидесятых годов, что может быть объяснено как способом музыкального оформления песен, то есть отказом от ритм-секции, так и ориентированностью на другие образцы, в первую очередь, на авторскую песню.

¹ Арбенин К.Ю. Транзитная пуля. Тексты песен группы «Зимовье зверей» – СПб., 2001.

Н.Ю. ЛЁТИН

Троицк

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЭЗИИ ЕГОРА ЛЕТОВА

Егор Летов, пожалуй, одна из самых противоречивых фигур в отечественной рок-культуре. Анализ и интерпретация его текстов зачастую вызывает затруднение. Большинство текстов Летова входят в состав его песен, являющихся сложными семиотическими образованиями. Анализируя песенную поэзию, помним, что «примат должен оставаться за классической литературной художественностью»¹. Поэтому в качестве объекта исследования мы выделим те поэтические произведения Егора Летова, в которых литературная составляющая ярко выражена.

Если отвлечься на секунду от такой проблемы литературоведения как границы поэтического текста и исследовать только «текст произведения»², как выразился И.В. Фоменко, то в случае с поэзией Летова вопросов

меньше не станет. Её логика и образная система очень далеки от реалистической традиции, поэтические тексты Егора Летова можно назвать «тёмными», «трудными»³. «Полно и точно определить авторское значение нам не удастся. Причина тому – ментальный контекст»⁴. Для того, чтобы понять, как анализировать тексты Егора Летова, мы должны понять, что же конкретно мы анализируем. В книге Ю.М. Лотмана «Анализ поэтического текста» есть замечание: «...язык определяется как механизм знаковой коммуникации, служащий целям хранения и передачи информации»⁵. Язык – это способ кодировки информации. Автор, создавая произведение, использует огромную палитру приёмов, чтобы передать то, что называется «идеей», не обязательно, что это будет абсолютно осознанно. Опираясь на высказывания М.М. Бахтина, мы будем рассматривать поэтические тексты, как авторские высказывания о жизни, для дальнейшего анализа которых необходимо хотя бы приблизительно восстановить авторскую картину мира. В статье М.Л. Гаспарова «“Снова тучи надо мною...” Методика анализа» есть следующее размышление: «Интерпретацией мы занимаемся тогда, когда стихотворение – “трудное”, “тёмное”, общее понимание текста “на уровне здравого смысла” не получается, т.е. приходится предполагать, что слова в нём имеют не только буквальное, словарное значение, но и какое-то ещё. <...> Чтобы понять это, мы должны выйти за пределы имманентного анализа: охватить зрением не одно отдельное стихотворение, а всю совокупность стихов Иванова или Сологуба (“контекст”) и даже всю совокупность знакомой им словесности, прошлой и современной (“подтекст”))»⁶. В статье «Анализ поэтического текста Ю.М. Лотмана» М.Л. Гаспаров высказывает несколько едких замечаний по поводу попыток постструктуралистов анализировать не авторское высказывание, а собственное ощущение от него. Относительно же интерпретации текста М.Л. Гаспаров высказывается категорично и лаконично: «Научная точка зрения на это может быть только одна – историческая. Филолог старается встать на точку зрения читателей пушкинского времени только потому, что именно для этих читателей писал Пушкин. Нас он не предугадывал и предугадывать не мог»⁷. Наша задача – попытаться отделить «зёрна от плевел»: «филологическое» восприятие от «читательского».

Что же принять за контекст поэзии Летова? Следуя за М.Л. Гаспаровым, мы, конечно же, возьмем в качестве составляющих контекста «всю совокупность стихов» Летова и «всю совокупность знакомой им словесности, прошлой и современной»⁸. Немаловажной деталью будет тот факт, что Егор Летова занимался активным жизнетворчеством. В отношении Егора Летова это довольно легко доказуемо. В интервью, которые давал он сам и его близкие, при некоторых противоречиях в описании отдельных фактов есть достаточно чёткие указания на то, что Игорь Фёдорович Летова (настоящее имя музыканта) был крайне озабочен своим образом в сознании публики. Так его брат Сергей Летова, известный джазо-

вый музыкант говорил следующее: «Его интересовало признание масс, и он стал играть молодёжную музыку. А меня не раз “прорабатывал” за элитарность»⁹. Самим Егором неоднократно высказывалась мысль о его «непонятости»: «Я, вообще, считаю – есть люди творцы, и есть – приземлители. <...> Именно они-то и предпримут всё возможное, чтобы накрепко и основательно “убить пересмешника”, приземлить всё сделанное нами»¹⁰. Нельзя не обратить внимания на характерное противопоставление поэта толпе, присущее его репликам. Возможно, на него оказали влияние характерные для футуризма эпатаж и вызов толпе: «...Ей богу, человека ДОЛЖНО БИТЬ! БИТЬ ЩЕДРО И ОТЧАЯННО!»¹¹.

Строить самую жизнь по законам художественного произведения не ново. Ю.М. Тынянов писал об Александре Блоке: «Блок – самая большая лирическая тема Блока. Эта тема притягивает как тема романа ещё новой, нарождённой (или неосознанной) формации»¹². Ещё один красноречивый пример – Владимир Маяковский. Его литературное творчество тесно связано с его политической деятельностью, поэтому не удивительно, что его творчество многие воспринимают лишь сквозь призму его отношений с коммунистической партией. Сам он в определённой степени способствовал такому отождествлению. В художественной автобиографии «Я сам» он сознательно избирает в качестве ключевых событий своей жизни те, которые сформировали его коммунистические убеждения. Таким образом, и сама жизнь поэтов и прозаиков часто служила художественным целям, приобретая форму своеобразного «романа новой формации», став материалом для рождения автобиографического мифа. Но как можно включить в контекст такое явление, как миф? А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» говорит, что «миф не есть поэтическое произведение»¹³, ведь, если поэзия как художественное произведение воспринимается отстраненно, то миф является «живой и совершенно буквальная реальностью».

Обратимся к определению. По Д.М. Магомедовой автобиографический миф – это «исходная сюжетная модель, получившая в сознании автора онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве»¹⁴. Автобиографический миф функционирует в условиях медиапространства, то есть резонируется посредством средств массовой коммуникации (СМК). Обратимся к другой работе, посвященной мифу – статье Р. Барта «Миф сегодня». В самом начале автор даёт следующее определение: «Что такое миф в наше время? Для начала я отвечу на этот вопрос очень просто и в полном соответствии с этимологией: миф – это слово, высказывание»¹⁵. «Мифическое слово есть сообщение»¹⁶, – также утверждает он, а «фундаментальным свойством мифологического концепта является его предназначенность»¹⁷. Иными словами миф адресован опреде-

лѐнной группе людей, объединѐнных какими-либо общими признаками или объединившимися ради какой-либо цели или задачи.

«Всякая живая личность, так или иначе, миф. <...> Это, конечно, главным образом, миф в широком смысле, <...> личность есть миф не потому, что она – личность, но потому, что она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания»¹⁸, – пишет А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа». В обыденной жизни мифологизация личности – это не что иное, как слухи, так или иначе существующие вокруг любого из нас. Р. Барт говорит, что «отношение между концептом и смыслом в мифе есть по существу отношение деформации»¹⁹. Автобиографический миф – это сознательное художественное искажение биографии, придание ей «идеального» характера, не в значении «лучшего из возможных», а «наиболее соответствующего замыслу автора».

Миф существует в сознании большого количества людей и, следовательно, не имеет непосредственного материального носителя. Мы можем лишь восстановить его инвариант. Автобиографический миф в этом смысле мало отличаются от мифа архаического. Эксплицируется же автобиографический миф в репликах автора о себе в СМИ, его текстах (художественных и публицистических), а также в эстетически значимых поступках, вызвавших широкий общественный резонанс. «По аналогии с образом автора, который складывается из основных черт творчества поэта, можно говорить и об образе автора, который складывается из основных черт его творческого поведения. Этот образ творится поэтом не в идеальном измерении искусства, а в реальности»²⁰ – пишет об этом О.Э. Никитина.

Таким образом, мы будем рассматривать автобиографический миф как авторское высказывание, обращѐнное к реципиенту с целью повышения популярности его героя или создания эстетического образа одного, не выраженное материально в форме отдельного авторского текста, но эксплицированное в высказываниях автора о себе в СМИ, непосредственно творчестве автора и эстетически значимых элементах биографии, имевших широкий общественный резонанс. Отношения между поэтическим текстом и «текстом жизни» будут в этом случае носить характер диалога текстов.

Чем подобные знания могут помочь на практике? При анализе лирических текстов одним из ключевых моментов является лирический субъект. В случае с рок-поэзией частотны случаи имманентного совпадения героя «текста жизни» и «героем-повествователем» или «лирическим героем». Таким образом, при анализе «трудных» произведений реконструкция инварианта автобиографического мифа позволяет восстановить и облик лирического субъекта, а выделение ключевых сем мифа может быть полезным при исследовании мотивов и ключевых концептов поэтики автора.

Автобиографический миф Егора Летова мы назовѐм «Радикальный философ». Этот миф имеет сложную структуру, его элементы неоднозначны, ему, если так можно выразиться, присущи черты «полифонического

романа», поэтому ему, в отличие от биографического мифа, нельзя назвать только словом «Радикал». Наименование «Радикальный философ» является родовым по отношению к основным элементам мифа, таким как «Панк-рокер», «Анархист», «Коммунист», «Борец с системой», «Наркоман», «Психонавт», «Основатель НБП».

Взаимодействие автобиографического и биографического мифа, если принять их за высказывания, носит характер диалога. Это следует из отношений автора и аудитории. Автор ведёт полемику с «приземлителями», не понимающими и упрощающими его «текст жизни». Биографический миф Егора Летова мы назовём словом «Радикал», исключив из названия автобиографического мифа философскую категорию. Р. Барт так описывает особенность массового сознания: «Мелкий буржуа – это такой человек, который не в состоянии вообразить себе Другого. Если перед ним возникает другой, буржуа словно слепнет, не замечает или отрицает его или же уподобляет его себе»²¹. У Е.М. Мелетинского есть описание похожего явления в отношении культурного героя архаического мифа. В ряде героических мифов возникает фигура трикстера, отрицательного двойника героя, «легальной отдушины, известного “противоядия” мелочной регламентированности в родо-племенном обществе, шаманскому спиритуализму и др.»²². На схожесть биографического мифа поэта и героического мифа о культурном герое указывает, в частности, О.Э. Никитина: «Типологически биографический миф представляет собой возродившийся, а по существу, всегда бытовавший в сфере массового сознания, вариант традиционного мифа о герое»²³. Таким образом, автобиографический миф по сути представляет собой редуцированный биографический.

Противостояние поэта и толпы, можно сказать, является лейтмотивом творчества Летова. Толпу олицетворяют обыватели, мещане, отрицательное отношение к которым выражено в специфических средствах: инвективная лексика, специфическая тематика текстов: «Я люблю голубые ладони, / И железный занавес на красном фоне, / Сырые губы под вороньём, / И тела, изъеденные червём»²⁴ («Некрофилия»).

Разберём подробнее элементы автобиографического мифа Егора Летова. Для удобства мы разделим их на несколько групп, параллельно показывая их трансформацию в биографическом мифе.

1. Фашизм, как приём

Говоря об отношении Летова к политике и государству, нельзя не вспомнить двух литераторов, также активно занимавшихся жизнетворчеством. Это Владимир Маяковский, поставивший свой талант на служение молодой Советской республике и Филиппо Маринетти, до конца жизни оставшийся верен «своему главному принципу – “с вершины мира бросать вызов звёздам”». Провозгласив войну единственной «гигиеной мира», он и погиб, в 1942 году под Сталинградом. Сражался он, разумеется, не на советской стороне, поскольку был убеждённым фашистом. Политический

эпатаж был свойственен и Егору Летову, только носил он иной характер. Семы «анархист», «коммунист» по сути можно рассмотреть как различные варианты маски политического антипода. Для сравнения приведу два высказывания советского и постсоветского периода творчества поэта: «...анархия – это такое мироустройство, которое лишь на одного. Двое – это уже слишком, безобразно много. Анархия – лишь на одного». И второе: «Раньше я называл свой идеал “анархией”, сейчас думаю, что его лучше всего назвать “коммунизмом”. Ещё в 1988 году на фестивале в Новосибирске мы заявили со сцены о том, что мы – настоящие коммунисты, которых, к сожалению, мало». В глаза бросается, что слова «анархист» и «коммунист» употреблены в широком, философском, «метафизическом» смысле. Приведём ещё одну характерную цитату: «Безусловно, моё занятие политикой не только не противоречит, но чем дальше, тем больше помогает метафизической стороне моих поисков. Я понял, что сам отход от реальности можно уподобить одному из путей реализации в буддизме. Там есть путь личного спасения и есть путь спасения коллективного. Мне нужно было в течение нескольких лет идти по пути личного спасения и во многом пройти его, чтобы понять, что это – не мой путь».

Всё, что, так или иначе, связано с политикой, в творчестве Летова имеет широкое значение: «государство», «тоталитаризм», «фашизм» приобретают в его текстах и выступлениях в СМК значение злой силы, подавляющей волю человека. Например, «Я убил в себе государство» или «Красный сигнал, / Условный рефлекс /, Тоталитаризм, / Тоталитаризм». Высказывание о «коллективном спасении» комментирует не что иное, как участие Летова вместе с Дугиным и Лимоновым в создании Национал-большевистской партии. Этот акт можно рассматривать скорее как эстетический.

Вступление Летова в ряды НБП стало возможным поводом для возникновения семы «фашист» биографического мифа поэта. Приведём одно высказывание: «Приходится констатировать, что сегодня повсеместно наблюдается даже не рождение, а тотальное, агрессивное наступление ФАШИЗМА – не цветасто-отвлеченно-героического, но самого натурального, крысиного, насекомого». Отношение поэта к фашизму двоякое. Существует «цветасто-отвлеченно-героический» фашизм, под которым, возможно, подразумевается итальянский, связанный с деятельностью футуристов и «натуральный, крысиный, насекомый», то есть «тоталитаризм». Справедливости ради отметим, что «фашизм» и «нацизм» не совсем синонимы. Вот что пишет про фашизм и нацизм Армин Мёлер в статье «Фашистский стиль», посвященной эстетике фашизма: «Само это слово уже не таит в себе нечто определённое. <...> Ярлыки типа “фашизм”, “фашист”, “фашистский” пытаются прилепить к различным лицам, организациям, ситуациям, в результате чего сами эти слова утрачивают своё конкретное значение». Далее он рассуждает на тему многозначия слова «фашизм», подроб-

нее раскрывая эстетическую сторону явления. «Большой юридический словарь» трактует фашизм как «социально-политические движения, идеологии и государственные режимы тоталитарного типа. В точном смысле Ф. – феномен политической жизни Италии 20 – 40-х гг. XX в». В биографическом мифе Летова слово «фашизм» употребляется в значении «нацизм».

Сема «предатель» биографического мифа Егора Летова рождалась на почве «метаний» поэта. Заявляя о своей причастности к той или иной социальной или политической группе, Летов автоматически накладывал на себя некоторые обязательства, поэтому изменение взглядов в дальнейшем трактовалось как предательство. С филологической точки зрения это явление раскрыл Ролан Барт, дав ему название «присвоение языка». «Миф способен легко в него (в язык – Н.Л.) проникнуть и разрастись там, происходит присвоение смысла посредством колонизации. <...> Если смысл оказывается слишком плотным и миф не может в него проникнуть, тогда он обходит его с тыла и присваивает целиком». Поэтому и получается, что имя Летова, никогда, по сути, не занимавшегося политикой, ассоциируется с той или иной политической группировкой. Если для самого поэта подобные скачки, скорее, проявление духовных исканий, то для многих они соотносятся с предательством. «Понимаю это как обыкновенное предательство», – комментирует уход поэта из НБП Э. Лимонов.

2. *Russian punk. Pain and anger (Русский панк. Боль и ярость)*

Летова весьма сложно назвать панком в общепринятом значении этого слова. Сравнивая две культовые для отечественного панк-рока фигуры: Егора Летова и Свинью (Андрея Панова), – нельзя не заметить ряда существенных отличий. Традиционные семы панковского мифа («говно, мусор, моча, блевотина»²⁵) ни в мифотворчестве, ни в биографическом мифе Летова не прослеживаются. Летов так определяет своё отношение к Свину: «Очень плохое. Это как раз типичный представитель “человека”. Рок – это когда всё до конца: живёт – так живёт, нет – так нет. А Свинья – наоборот: вроде бы живёт, а вроде бы и нет...»²⁶. Можно предположить, что отношение Летова к культуре панка и её целям рознится с отношением Свина. Если Андрей Панов – «клоун, петрушка», то Егор Летов – «демон», обрушивший на «систему» силу безумия. Эстетика панка, особенно в раннем творчестве Летова, носит ярко выраженный футуристический оттенок с характерными элементами политического протеста: «Когда мы начинали играть, эпатаж носил характер чисто футуристический»²⁷. С эстетикой панка связано и возникновение псевдонима поэта: «Когда мы с Кузьмой собрали Гражданскую Оборону (конец 84-го года), мы были настоящие панки во всех проявлениях, <...> мы сами придумали себе нарочито дурацкие, кондовые имена – Егор Дохлый, а Костя – Кузьма УО (УО, если кто не знает, <...> означает «умственно отсталый»)»²⁸.

Летов, говоря его же словами, «метафизический» панк-рокер. То, что он делал в искусстве сложно соотносить напрямую с канонами какого либо направления или субкультуры. Можно проследить влияние тех или иных традиций, о чём говорилось вначале: «Я считаю, что то, что мы делаем, панк – это именно то, что называют «панк», «хардкор» <...> Это в общем-то, не музыка и не искусство, есть определённая ритмическая структура, есть определённая гармония и определённый текст, который идёт как мантра»²⁹. Его музыка не панк и даже не рок, а нечто «нечеловеческое», «языческое». Панк-рок в творчестве – это лишь форма, как и специфическое надрывное исполнение. «Панк-рокер» как сема его автобиографического мифа – лишь одна из масок. «Творческое поведение»³⁰ Летова как составляющая его биографического мифа далеко не соответствует стереотипам поведения «настоящего» панка. Летов вёл довольно замкнутый образ жизни (фаната к себе в дом «не пустил бы, и дверь бы постарался не открывать») и был вовсе не равнодушен к деньгам. В разделе «Ответы посетителям» официального сайта группы есть, например, такое высказывание: «Мы все рабочие люди, делаем какое-то своё дело, вкладываем в это силы, эмоции, здоровье, средства, наконец, у многих из нас семьи и дети. <...> Мы играем не ради денег, <...> просто ради пользы общего дела совмещение различных профессий бессмысленно, бесперспективно и вредно»³¹. Поклонники, не видя разницы между лирическим героем текстов и биографической личностью, напрямую соотносят и автобиографический миф с человеком. В результате диалога автобиографического и биографического мифов сема «панк» биографического мифа трансформируется в сему «попса» или «продавшийся панк», вариант уже упомянутой семы «предатель». Переход в последние годы от «гаражной» работы к «профессиональной» многими воспринялся в штыки. Нежелание публики принимать философскую сторону лирики поэта, жажда «продолжения боя», «героической смерти» кумира порождают высказывания наподобие этого: «да ваше Летов после 1984 года опопсел и исписался... вот Посев – это да!»³².

3. «Психоделия tomorrow»

Тема психоактивных веществ в литературе второй половины двадцатого века представлена достаточно обширным списком имен: Кен Кизи, Уильям Берроуз, Хантер Томсон, Карлос Кастанеда. Существует даже негласный термин – «наркокультура», субкультура потребителей наркотиков. Изменённые состояния сознания рассматриваются представителями субкультуры психонавтов как особый тип познания. Нам важно выяснить разницу между понятиями «наркотик» и «психоделик» в высказываниях и творчестве Егора Летова. Для начала обратимся к внешним источникам. Сайт «ЦКП» (Центральный комитет психонавтов): «Не следует путать психоделики и другие наркотики. Всё сказанное выше относится к ЛСД, грибам и некоторым другим веществам – но не к героину, опиуму или кокаину». Журнал «Власть», интервью со Станиславом Грофом, «отцом пси-

ходелической революции»: «Во многом запрет на психоделики и внесение их в реестр «А» произошёл благодаря дилетантским публикациям в прессе и из-за погони журналистов за нездоровыми сенсациями. Я уже давно предлагаю легализовать психоделики и методы психоделической терапии, чтобы не оставлять за бортом сотни больных людей». Закрытый форум «Психонавты.ru»: «Для меня “психонавт” – это мистик-исследователь, избравший свой собственный путь объективизации, самореализации, просветления. Психонавт, не владеющий никакими эзотерическими знаниями и обретающий таковые исключительно в трипах – это не психонавт. Это глюколов»³³. В автобиографическом мифе Летова «психоделия» и «употребление наркотиков» – также разные категории. Психоделия соотносима с традицией шаманизма, язычества (вспомним, что рок по Егору Летову – акт языческий), а декларативное употребление наркотиков – это своеобразная форма протеста, противопоставления. В одном из интервью Летов так говорит о наркотиках: «Хорошо отношусь! ОЧЕНЬ хорошо и трогательно отношусь. <...> С некоторых пор вообще ни от чего не отказываюсь»³⁴. В рассказе Егора Летова «Суд, которого не было, но который мог быть...» есть такая реплика: «Действительно, наш последний альбом и всё то, чем мы занимаемся в последнее время, навеяно ЛСД. <...> ЛСД – это вещь, которая меняет человека раз и навсегда. Тебе даётся некая возможность духовного развития <...> Это что-то вроде религиозного опыта»³⁵.

Можно сделать вывод о различии в сознании Летова категорий «наркоман» и «психонавт», а, следовательно, о различии их функций в автобиографическом мифе. Можно судить и о том, что тема психоделии в творчестве Егора Летова не соотносима с темой протеста.

¹ Гавриков В.А. Песенная проблема художественности [Электронный документ]: авторский экземпляр без выходных данных.

² Фоменко И.В. Практическая поэтика. – М., 2006. – С. 116.

³ Гаспаров М.Л. «Снова тучи надо мною...» Методика анализа // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. – М., 1997. – С. 21.

⁴ Фоменко И.В. Указ. соч. С. 9.

⁵ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. – СПб, 1996. – С. 31.

⁶ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 20.

⁷ Гаспаров М.Л. «Анализ поэтического текста» Ю.М. Лотмана: 1960-1990-е годы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/_GASPAROV_1.HTM.

⁸ Гаспаров М.Л. «Снова тучи надо мною...». С. 20.

⁹ «Первым электронным музыкантом в СССР был... Ленин» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kokina.ru/art2009-35.htm>.

¹⁰ Егор Летов: «Я не верю в анархию» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grobozona.ru/pub/anarhi/>

¹¹ Там же.

¹² Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 118.

¹³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/133519>.

¹⁴ Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. – М., 1998. – С. 7.

¹⁵ Барт Р. Миф сегодня [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лосев А.Ф. Указ. соч.

¹⁹ Барт Р. Указ. соч.

²⁰ Никитина О.Э. Биографический миф как литературоведческая проблема (на материале русского рока): дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – С. 21.

²¹ Барт Р. Указ. соч.

²² Мелетинский Е.М. Культурный герой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philologoz.ru/myth/heilbringer.htm>.

²³ Никитина О.Э. Указ. соч. С. 11.

²⁴ Летов Е. Некрофилия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gr-oborona.ru/texts/1056909643.html>.

²⁵ Доманский Ю.В. «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару [Электронный документ]: авторский экземпляр без выходных данных.

²⁶ Егор Летов: «Я не верю в анархию» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/>

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Никитина О.Э. Указ. соч. С. 12.

³¹ Летов Е. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны. 05.04.05. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gr-oborona.ru/pub/offline/1112791243.html>.

³² По материалам сайта Livejournal.ru

³³ По материалам сайта psychonauts.ru

³⁴ Егор Летов: «Я не верю в анархию» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/>

³⁵ Там же.

© Н.Ю. Лётин

А.С. НОВИЦКАЯ

Калининград

КОНЦЕПТ ВЕСЕЛЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕГОРА ЛЕТОВА

Творчество Егора Летова представляется нам феноменом по следующим причинам.

При всей своей монологичности, оно оказало решающее влияние на формирование мировоззрения не одного поколения причисляющих себя к советской и русской панк-культуре как музыкантов и поэтов-песенников, так и слушателей. Творчество Летова имеет закрытый характер, оно не предусматривает никакого диалога: автор констатирует, и весьма своеобразно, те или иные факты бытия, не заботясь о том, как отнесутся к этой констатации реципиенты. Тем удивительнее, что реципиенты – поклонники – с восторгом принимают данную модель мышления и следуют ей.